

УДК 82

ОТРАЖЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ О. СУЛЕЙМЕНОВА В АТТРАКЦИИ СЛОВ «ПЛАМЯ–ПОЛЕ–ПОЛЫНЬ»

© Рауза Имангалиевна УТЕПОВА

старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы

Российский университет дружбы народов

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

E-mail: roza_uterova69@mail.ru

Выявлены отличительные черты поэзии Олжаса Сулейменова. Их содержание сводится к актуализации внутренней формы слова в поэтическом тексте. В научный оборот введены ранее известные произведения автора, имеющие существенное значение для изучения специфики формирования и реализации творческого замысла О. Сулейменова. Феномен русскоязычного поэта рассмотрен с точки зрения концептуальной картины мира, сформировавшейся в рамках русской, мировой и национальной культур. Поэзия О. Сулейменова глубоко самобытна, в его поэтической русской речи отражаются уловимые нотки Востока. Поэт связан с традициями устной казахской поэзии, корни которой уходят в глубь веков. Немалое влияние оказало на О. Сулейменова и знакомство с творческим наследием великих поэтов Древнего Востока – О. Хайяма, Саади, Хафиза и др. Метрический репертуар, ритмическая структура и рифма в поэзии О. Сулейменова, являющиеся предметом исследования, приводят к выводу: используя традиционно-фольклорные формы казахского стиха, поэт приспосабливает их к русской системе стихосложения. Предпринята попытка выявить особенность поэтического языка О. Сулейменова не столько в насыщенности экзотизмами, сколько в необычности образно-ассоциативных представлений, идущих от глубинного мироощущения, национально-казахской картины мира. Поэтический язык О. Сулейменова отражает общие закономерности современной поэзии. Это и так называемый космизм мышления, повышенный интерес к проблемам времени, его структуре и сущности, изменение представления о месте человека в мире, восприятие человечества как части природы, а мира – в его единстве всего со всем в пространстве и времени, стремление осмыслить историю человечества как единое целое, противоречивое, но взаимодополняющее явление.

Ключевые слова: поэтика; образ огня; культ огня; трансформация огня; поэтическая система; поэтическое сознание

Особую перспективу предполагает рассмотрение авторской этимологизации в структуре развития какого-либо образа доминанты, или художественной идеи. Авторская этимологизация во всех ее разновидностях – важнейший способ отражения поэтического мировидения Олжаса Сулейменова в рамках художественной идеи огня. Образ огня – один из центральных образов мировой литературы и культуры – находит разнообразное преломление в различных литературных традициях, художественно-эстетических системах.

Индивидуально-авторское содержание этого образа в любой поэтической системе в конечном счете восходит к сложному мифопоэтическому смыслу образа огня, существующему в мифологическом сознании многих народов. В связи с этим нельзя не привести слова И. Франк-Каменецкого о том, что ликвидируемые в результате многократно повторяющегося процесса мифологиче-

ские представления находят гостеприимное убежище в поэзии, обогащая наличный в поэтической речи запас метафор и уподоблений, отражающих элементы некогда подлинного мирозерцания, но признаваемых отныне за простую игру воображения [1].

Открытие огня относится к самой древней человеческой культуре. Как считал Ю.М. Шилков, в истории человеческой культуры вряд ли есть какое-нибудь другое явление, которое сыграло такую же роль, как огонь. Ни один объект окружающей природы не мог вызвать в человеке такое яркое представление о жизни, жизненной силе и воле, как огонь – стихия, которая как раз проявляет самопроизвольность движения, и притом движения в высшей степени быстрого и могущественного. Достаточно представить картину степного пожара, где огонь распространяется с необычайной силой и шумом, который для примитивного человека есть язык

огня, голос огня. И наряду со способностью уничтожать все на своем пути огонь дает благодетельное тепло и свет и является помощником и охранителем человека [2].

Огонь как средство для отпугивания злых духов имеет широкое применение у всех народов. Культ огня отразился в целом ряде мифических образов (греческое божество Гефест, божественный кузнец Вулкан, Прометей, бог огня Агни в Индии и др.).

В мифологическом сознании многих народов огонь является воплощением нескольких начал: сила уничтожающая; грозная и опасная стихия, например, боги Агни и Шива-Рудра в ведийской религиозной системе; спутник и помощник человека в борьбе с хищными зверями; сила очищающая и целительная; домашний очаг, символ, покровитель семьи; сила оплодотворяющая.

Мифологические представления закрепились в многочисленных обрядах. Пляски и прыгание через огонь у древних славян и других европейских народов, лечение скота во время эпизоотий пропусканием через костер в Баварии, печально известные инквизиторские костры, на которых сжигали ведьм, рождественские огни на елке – этот ряд можно продолжать очень долго. Во Франции до сих пор обносят сады и поля зажженными факелами для увеличения их плодородности. У индусов жених, обводя свою невесту вокруг огня, обращается к Агни со словами: «Верни, о Агни, мужьям жену с приплодом», почти такой же обряд существует у балканских славян.

Все эти представления естественным образом вошли в поэтический фонд мировой литературы, трансформировавшись в соответствии с художественно-эстетическими установками авторов в рамках того или иного художественного направления.

В казахской мифологии, по словам Ч. Валиханова, огонь – главный объект шаманских поклонений. Огонь назывался святым (аулие) так же, как и мусульманские угодники [3]. Еще одно из названий огня – «От-ана» (Мать-огонь). Очистительное свойство огня проявлялось в проведении меж двух огней – обряд, получивший название «аласта». В мифологическом представлении древних кочевников огонь – покровитель жилищ, домашнее святилище, поэтому невеста при вступлении в новое семейство должна была поклониться огню в «большом

доме», то есть в доме старшего члена семейного клана. Невесту сажают возле очага, затем льют жир в огонь, и она падает несколько раз ниц, приговаривая: «Мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью». Оплодотворяющая сила огня проявляется и в том, что жертву огню приносят и при рождении ребенка. Огнем лечили болезни. По обычаю в огонь нельзя плевать, нельзя проходить через огонь [3, с. 81].

Художественное воплощение образа огня в поэтической системе О. Сулейменова обнаруживает сложное переплетение смыслов, опирающихся на всю совокупность мифопоэтических представлений от примитивно-анимистических до абстрактно-философских построений зороастризма, индуизма и других высших религиозных систем, идеи которых преломились в мировой литературе.

В поэтическом сознании О. Сулейменова, несомненно, присутствует осмысление мифологического содержания образа огня, которое особенно ярко проявляется в контексте стихотворения «Азиатские костры» (1959):

Мы помним то,
равняющее всех,
его в людской истории немало –
когда-то ночью к вам пришли шаманы
для добрых дел и правильных бесед.
Они *зажгли огонь* и научили
беречь огонь и
кланяться огню,
лечить огнем радикулит и чирей
и научили подходить к коню,
и верить солнцу, и гадать по звездам,
от них пошло – и танцевать и петь,
от них вы почитали только весны,
от них пахать, выращивать и печь.
От них, старателей, пошел алмаз,
их в жертву приносили
самоеды,
но и в *огне* они *учили* вас.
Шаманы *знали свет* из слепоты,
из вашей глухоты для вас – Бетховенов <...>
[4, с. 20]

Когда вам говорили:
заплати,
когда ни пула, ни таньги, ни мана,
вы жгли
для дыма
на кострах шаманов,
придумавших костер
для теплоты.
<...>

О Азия, ты столько нас истратила!
Опять костры для дыма
расцвели [4, с. 21].

Огонь, связанный с образом шаманов – первых языческих служителей огня, в этом контексте воплощает первобытное представление об охранительной, излечивающей силе, противостоящей злему началу, помогающей человеку в освоении природы: / Когда-то ночью к вам пришли шаманы / для добрых дел /. Образное противопоставления «темноты» – невежества и «света» – первых знаний о мире – представлены в лексическом ряде – *ночь, слепота, глухота и огонь, солнце* и т. д. Следовательно, поэтический образ огня для О. Сулейменова, помимо прочего, связан с освоением окружающего мира, постижением его тайн с первыми знаниями. Однако явно проявляется и вторая сторона огненной стихии как противоречивого начала – это и уничтожающая сила, которую можно использовать с недобрыми намерениями (вы жгли для дыма / на кострах шаманов, придумавших костер / для теплоты) [4, с. 21].

Художественная идея огня получает развитие на протяжении всего творческого пути поэта, воплощаясь даже в названии одного из сборников О. Сулейменова – «Трансформация огня» (1973). Развитие образа огня свидетельствует о существенных изменениях в структуре поэтического сознания О. Сулейменова, дает представление об эволюции индивидуальной поэтической нормы на протяжении десятилетия. Динамику образа огня можно проследить сквозь призму авторской этимологизации, подлинной и намеренно ложной, поэтической этимологии, паронимической аттракции на примере функционирования одного из словесных воплощений идеи огня – лексеме «пламя».

В 1973 г. появилось стихотворение в прозе О. Сулейменова «Трансформация огня», построенное на поэтическом истолковании разных этимологий слов со сходным звуковым комплексом (пол-, пл-, пал-, пыл-, пепел-). Для поэта важна идея единства этих слов, соответствующая логике художественно-эстетических представлений: «Работа поэта рифмовать не только окончания, но и корни...». Декларируя свое «паронимическое кредо» [5, с. 17], О. Сулейменов приглашает читателя задуматься:

Ты чувствуешь связь слов «пламя» и «поле»?
Окающий оратай-лесовец выжигает в чащобе
участок

для пашни. Бушует *полями*, *пылают дрова*; *палом* охвачены валежник, хворост, трава – все, что будет названо в диалектах терминами *полено*, *полова*, *попынь* от глагола «полети» (гореть).

Утихает *пыл*, оседают *пылью* (золой) острые пеньки

кокса, тихими дымками чадит *пепелище* – черная

проталина в лесу. Назовут ее племена *полевой* или *попынью*.

Или еще – *поль*, *поле...*

Пустое, обезлесенное пространство – *полое*.

Ковыряясь тяпкой в огороде, ты уже не ведаешь, какое *пламенное* прошлое у потных, унылых слов *полоть*, *пропалывать...* [5, с. 13].

Перечисленные слова, объединены ли они реальными деривационными или этимологическими связями, либо просто фонетическим сходством, связываются поэтом в одну образно-этимологическую цепь, становятся членами одного семантико-ассоциативного гнезда.

Ключевыми в этом ряду являются образы *пламени* и *поля*. Объединение слов названного поэтико-этимологического гнезда отражает представление автора о взаимодействии двух стихий: стихии огня, выраженной в *пламени* и воплощающей в себе противоречивые начала уничтожения и очищения, и *поля* – результата этого очищения, свободного, открытого пространства, предназначенного для новой жизни. Образы построены на основе словарных значений лексем «пламя» – огонь, поднимающийся над горящим предметом [6, с. 132], и «поле» – безлесная равнина, засеянный или возделанный под посев участок земли, и представляют поэтическое осмысление их этимологической связи [6, с. 11].

Следующий, более глубинный план восприятия образов, связанных с художественной идеей огня, разворачивается постепенно, обнаруживая культурно-исторические коннотации:

Устало разогнешься, глянешь через тын в бесконечную жаркую степь, безлесую от природы, и не поймешь, за что ее назвал предок именем *Дикий полъ* или *Дикое поле*. И протрусит на чалом мерине... Артык Салыков, из племени кипчак, рода берш, и ты ни за что не поверишь, что он и есть *половец*, обитатель *Дикого поля*. Да он и сам не знает. Свяжи, Ахмет, единым взглядом корни невидимые и крону – помысли исторически.

...Выжженные страницы истории золой зла и добра покрыты. По обугленным пенькам *полюны* – *емишана* определяют возраст родины. Приветственную каждую былинку, выросшую на «удобренном *пеплом* подзоле». Каждую былинку.

Мне надо поверить в то, что из поля выходили *исполины*,

их лица круглые, как *перекати-поле*.

Обожжены ветрами дикой воли.

Все несправедливые поступки кипчаков-*половцев*... отразились болью и злобой на страницах летописей.

Справедливые войны их остались незамеченными и не коснулись пергаментного сознания моих знакомых писателей.

И может, московский или киевский историк оценит беспристрастно роль кипчаков, веками служивших щитом Руси против мусульманской экспансии.

Пока историки помнят лишь мгновения несправедливых войн и не вспоминают столетия братства Руси и *Поля*.

Ураганы 13-го несчастливого столетия разметали, *выпололи*, превратили в пустырь Дешти-кипчак, страну кипчаков. Сильные полегли, слабых, как горсть проса, развеяло по громадному *пепелищу*.

И лишь в XX веке мы начали приходить в себя после того удара. Мы поднимаемся на ноги, отряхивая с души прах и тлен прошлого. Отшибло память, но пытаемся по частям вспомнить все, что произошло с нами.

Поэтому наша тема – *огонь, зола и трава*.

Наше кредо – возвысить степь, не унижая горы [5, с. 11].

«Поле» предстает как собирательное название этнонимов «половцы, кипчаки», а «Дикое поле» – местом обитания древних кочевых народов, степными просторами Дешти-кипчак. Образ поля в авторском видении связан с понятием стихии свободной, вольной жизни как естественной формы существования далеких предков / их лица круглые, / как перекати-поле / обожжены ветрами дикой воли /. Образ стихии как динамической силы, проявляющейся в движении, получает яркое воплощение в сравнении «их лица – как перекати-поле», в функционировании которого актуализируются два смысла: «степное растение в виде шаровидного кустика, при созревании отрывающееся от корня и переносимое ветром на большие расстояния», и «человек, постоянно меняющий место жительства» [6, с. 11], что позволяет автору создать емкий образ кочевника. Свободная, вольная жизнь как определяющее

понятие нашло позднее воплощение в структуре этнонимов *казах (қазақ)* и *казак*: «свободный, вольный человек, искатель приключений» [4, с. 15].

Примечательно, что отрицательная экспрессия русского слова *перекати-поле* применительно к человеку, образу жизни, совершенно снимается в поэтическом контексте О. Сулейменова. В основу образа положена ассоциативная связь между шаровидным растением и круглым лицом. Однако немаловажно, что речь идет о степном растении. В системе мировидения казахского человека подвижный образ жизни, постоянная смена места жительства – естественный, гармоничный способ существования, наиболее оптимальная форма взаимоотношения человека с природой в сложных климатических условиях, выработанная в течение многих веков.

Как отмечает М. Каратаев, личная свобода и достоинство становились чертой национальной психологии, выражавшейся даже в том, что в структуре кочевого общества, тесно спаянного кровным родством, любой член кочевого аула, несогласный с решением старейшин, имел законное право откочевать в другой аул или даже род [7].

Эту особенность общественных отношений кочевников отмечали многие ученые и путешественники, побывавшие в казахских степях. Элементы этих отношений находят выражение в структуре этического и эстетического идеала эпоса. Показательно, что интерпретация образа поля в поэтическом сознании О. Сулейменова связана с национальным восприятием.

В русском языке слова *поле* и *степь*, несмотря на общий элемент значения: «ровное, безлесное пространство» (*поле* – «1. безлесная равнина; 2. обширное пространство»; *степь* – «обширное, безлесное, ровное, покрытое травянистой растительностью пространство в полосе сухого климата» [6, с. 256]), имеют различие в семантической структуре, особенно в коннотативной ее части. Степь – ровное, безлесное пространство с засушливым климатом. Образ степных просторов ассоциируется чаще всего с жизнью вольного казачества. Смысловой объем образа поля шире, а культурно-исторические коннотации обусловлены богатыми фольклорными традициями.

В казахском языке понятия «степь» и «поле» адекватны, передаются одним сло-

вом – «дала». Языческое поклонение перед необъятными степными просторами, ощущение гармонии с природой, стихийное стремление к вольной, свободной жизни отразилось в мотивах казахского фольклора, в структуре фразеологии казахского языка.

Тема «свободной воли» развивается и в ряде других произведений О. Сулейменова («Степь суть обезглавленные горы» (1963), «Амазонка. Памяти Марины Цветаевой» (1967). Особенно выразительно в этом отношении стихотворение «Амазонка», в котором обнаруживается целый ряд образов, сближенных по принципу паронимической аттракции:

*В Диком поле половчанку полонили
и в полынь, раскинув полы, повалили.
Это было в полночь* [4, с. 175].

Но прежде, чем свалят, затопчут, залюбят
зарубят,
протяжно и тонко
в ночах прокричат ярославны:
Не выдай, роди-и-и-мый! [4, с. 176].

Представленные в отрывке из стихотворения члены паронимической парадигмы, пополняющие указанное ранее образно-этимологическое гнездо, приобретают окказиональные семантические признаки «наличие – отсутствие свободы», формируя тем самым антонимический образ (поле, половчанка, полынь – полонили, повалили, полночь).

Таким образом, неудивительно, что в индивидуально-поэтической системе О. Сулейменова образ поля совпадает с образом, сложившимся в русской поэтической традиции лишь частично (простор, свободное, открытое пространство, но не поле боя, как, например, былинное «чистое поле»), при этом слово «поле» включает в себя собирательный образ кочевников: половец, половчанка, полынь, которые связаны с образом родины и окрашены положительно.

На этом фоне преобразуется и смысловой объем словесного образа пламени, вбирающего в себя значение метафорического сочетания «пламя войны». Поэт скорбит об истории, озаренной пламенем войн («справедливых и несправедливых»), заслонивших собою мирные времена естественного культурно-экономического сосуществования этносов, самым ярким и объективным показате-

лем которого является язык, а он свидетельствует, например, что слова товарищ, друг, отражающие эти отношения, – тюрского происхождения.

Образ пламени в этом контексте реализуется только в одном смысловом аспекте – уничтожающая, разрушительная стихия, но стихия не природного свойства, а слепая стихия человеческой ненависти, которая покрыла «страницы истории золой зла». «Ураганы XIII века» – монгольское нашествие – «выпололи», превратили в пепелище степь. Лексема «выполоть» – вырывать, выдергивая сорные травы, очищать – трансформируется в индивидуально-авторское «уничтожить под корень население Поля», а образный смысл слова пепелище «пространство Дикого поля, Дешти-кипчак, оставшееся после разрушительного пламени войн» становится возможным на основе совмещения узуальных значений этой лексемы – «место пожара, пожарище; родной очаг, отчий дом (устар.)» [6, с. 270].

Полынь – трава (каз. – емшан), растительность, наиболее распространенная в степных просторах, – символизирует в казахском фольклоре образ степи (существует легенда о том, как удалось вернуть на родину богатыря, дав ему понюхать пучок этой травы).

В поэтическом контексте О. Сулейменова полынь-трава является образным воплощением идеи возрождения, непрерывности генетической памяти человека, помогающей ему осознать свои исторические корни.

Выросшая на «удобренном пеплом подзоле» трава как один из результатов действия стихии пламени несет в себе и другой образно-поэтический смысл, связанный с оплодотворяющей силой огня.

Очевидна образная связь между травой и человеком. Эта параллель в первом контексте выражена посредством сравнения «мы – растем травой», «толпы, как трава»; а в стихотворении «В Каргополе, вспоминая весну» – своеобразном гимне свободе, жизни и человеку – «толпы Я», под которыми автором подразумевается множество ярких творческих индивидуальностей, «восходят, как озимые» [4, с. 272].

Таким образом, поэтико-этимологический аспект осмысления сочетания «трансформация огня», выраженный в образном ряде «пламя–полынь–пепелище–поле и т. д.» обогащается коннотациями историко-культур-

ного характера «пламя–Поле–половец–половчанка–попынь». Как на месте пепелища со временем вырастает трава, так и после пламени войн, «выполовших» степь, появляется новая жизнь, пытающаяся осмыслить свое историческое прошлое. «Поэтому наша тема – огонь, зола и трава», – говорит поэт. «Пламя, пепел и полынь», – уточним мы в соответствии с рассматриваемыми нами образами.

Центральным образом в этой сложной образно-поэтической системе является трава. Зрительно-конкретный образ травы, осознаваемой поэтом как самый выразительный памятник человеку, олицетворяющий превращение площади в поле (на пустом, утрамбованном, безжизненном пространстве выросла трава), а значит, смерти в жизнь, перерастает в символический. Трава – воплощение идеи бессмертия, памяти, наконец, возрождения (/ памятником человеку / логика такова! / Не камень и не железо / стала / трава / Выросшая на удобренном пеплом подзоле /) [4, с. 48].

Пламя – противоречивый источник жизни и смерти, в зависимости от того, что им движет: добро или зло. Соответственно, поле либо становится воплощением «свободной воли», либо превращается в пустое, голое, безжизненное пространство.

Однако сила жизни такова, что возрождение неминуемо.

Отвечая на вопрос о происхождении названия сборника «Трансформация огня» (1983), О. Сулейменов говорил: «В восточных поверьях, философиях двадцатый век считается веком огня. И в этот век мы особенно опасаемся за будущее. Огонь – очаг, символ жизни, но он может превратиться и в символ смерти» [8, с. 3].

Таким образом, динамика развития образов, связанных с художественной идеей огня, позволяет проследить существенные изменения в художественно-эстетической системе О. Сулейменова. Если творчество молодого поэта во многом определялось размышлением о взаимодействии и взаимозависимости древних славянских и тюркских этносов, то в зрелых произведениях все настойчивее звучат ноты осмысления бытия человечества как единого, неповторимого и очень хрупкого организма.

Известно, что картина мира «в каждой культуре складывается из универсальных

концептов и составляющих культуры: пространства (места), времени, событий и действий, традиций и обычаев, судьбы и жизни и др. У каждого народа даже в случае идентичного подбора универсальных концептов существуют особые соотношения между этими концептами, характерные только ему». [9, с. 113]. Именно это и создает основу национального мировидения, мироощущения и оценки действительности.

Оставаясь плотью от плоти казахом, О. Сулейменов творит на русском языке, избрав тем самым свежий, непроторенный путь обогащения своей национальной культуры, литературы. Поэт мыслит на русском языке и тем самым привносит в него свое видение мира, все многовековые культурные традиции родного народа. Не утратив своей культуры, он обогащается другой. Не зря он пишет: «Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!», «Я – сын двух миров!».

Список литературы

1. *Франк-Каменецкий И.Г.* Вода и огонь в библейской поэзии: отголоски яфетического мирозерцания в поэтической речи Библии. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 623-665.
2. *Шилков Ю.М.* Метафора и мифологический образ («огонь» и «вода» в библейской поэзии по И.Г. Франк-Каменецкому) // *Смыслы мифа: мифология в истории и культуре: сб. в честь 90-летия проф. М.И. Шахновича.* СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 8. С. 717-745.
3. *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения / отв. ред. А.Х. Маргулан. М.: Наука, 1986. 413 с.
4. *Сулейменов О.* Поэт красивым должен быть, как бог.... Алматы: Изд. дом «Библиотека Олжаса», 2012. 300 с.
5. *Сулейменов О.* Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. Алматы, 2016.
6. *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.* М., 2010–2016.
7. *Каратаев М.К.* Дым отечества: об Олжасе Сулейменове // *От домбры до книги: статьи.* М.: Сов. писатель, 1969. С. 391-397.
8. *Сулейменов О.* Интервью // *Правда.* 1989. 27 января.
9. *Туманова А.Б.* Категория пространства как особый компонент концептосферы О. Сулейменова // *Творчество О. Сулейменова и вопросы национального самосознания: материалы Междунар. науч. конф.* Алматы, 2016. С. 113-118.

References

1. Frank-Kamenetskiy I.G. *Voda i ogon' v bibleyskoy poezii: otgoloski yafeticheskogo mirosozertsaniya v poeticheskoy rechi Biblii* [Fire and Water in Biblical Poetry: Echoes of the Japhetic Worldview in Poetic Language of the Bible]. Moscow, "Vostochnaya Literatura" ("Oriental Literature") Publ. of the RAS, 1998, pp. 623-665. (In Russian).
2. Shilkov Yu.M. Metafora i mifologicheskiy obraz («ogon'» i «voda» v bibleyskoy poezii po I.G. Frank-Kamenetskomu) [Metaphor and mythological image ("fire" and "water" in biblical poetry by I.G. Frank-Kamenetsky)]. *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture* [Meanings of Myth: Mythology in History and Culture]. St. Petersburg, Saint-Petersburg philosophical society Publ., 2001, no. 8, pp. 717-745. (In Russian).
3. Valikhanov Ch.Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 413 p. (In Russian).
4. Suleymenov O. *Poet krasivym dolzhen byt', kak bog...* [Poet Must Be Beautiful Like a God...]. Almaty, Publishing House "Biblioteka Olzhasa", 2012, 300 p. (In Russian).
5. Suleymenov O. *Esse. Publitsistika. Stikhi. Poemy* [Essays. Journalism. Poetry. Poems]. Almaty, 2016. (In Russian).
6. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. A.P. Evgeneva (ed.). Moscow, 2010–2016. (In Russian).
7. Karataev M.K. Dym otechestva: ob Olzhase Suleymenove [The smoke of the Fatherland: on Olzhas Suleymenov]. *Ot dombry do knigi* [From Dombra to the Book]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1969, pp. 391-397. (In Russian).
8. Suleymenov O. Interv'yu [Interview]. *Pravda* [Truth], 1989, 27 January. (In Russian).
9. Tumanova A.B. Kategoriya prostranstva kak osobyi komponent kontseptosfery O. Suleymenova [Category of space as a special component of the conceptual sphere of O. Suleymenov]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: «Tvorchestvo O. Suleymenova i voprosy natsional'nogo samosoznaniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Work of O. Suleymenov and Questions of National Identity"]. Almaty, 2016, pp. 113-118. (In Russian).

Поступила в редакцию 30.01.2017 г.
Received 30 January 2017

UDC 82

THE REFLECTION OF POETIC WORLD VIEW O. SULEYME NOV IN ATTRACTION OF WORDS "FLAME-FIELD-WORMWOOD"

Rauza Imangalieva UTEPOVA

Senior Lecturer of Russian Philology and World Literature Department

Al-Farabi Kazakh National University

71 al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040

Post-graduate Student, Russian and World Literature Department

The Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklay St., Moscow, Russian Federation, 117198

E-mail: roza_utepova69@mail.ru

Identity features of Olzhas Suleymenov's poetry are revealed. Their content comes to actualization of inner form of the word in poetic text. The previously known works of the author which have significant meaning for the specifics' study of formation and realization of creative conception of Olzhas Suleymenov are introduced in scientific sphere. The phenomenon of Russian language poet is considered from the point of view of conceptual worldview, formed within the framework of Russia, world and national cultures. Poetry of O. Suleymenov is very original, the almost imperceptible overtones of Eastland can be found in his poetic Russian speech. The poet is connected with traditions of oral Kazakh poetry, the roots of which reach the year dot. The great influence on O. Suleymenov made the acquaintance with creative heritage of the great poets of the Eastland Omar Khayyám, Saadi, Hafiz and etc. Metric repertory, rhythmic structure and rhythm in poetry of O. Suleymenov lead to the conclusion: using the traditional-folk forms of Kazakh verse, the poet arrange them to Russian system of versification. The attempt to reveal the peculiarities of poetic language of O. Suleymenov is made. It is not only in variety of exoticism, but unusual image-associative notions, coming from deep worldview, national-Kazakh worldview. Poetic language of O. Suleymenov reflects the general regularities of modern poetry. These are the so called cosmism of thinking, the high interest in the problems of time, its structure and essence, the change of notions about the place of a person in the world, the perception of mankind as of a part of nature, and the world in union with all the space and time, the intention to consider the history of mankind as a whole, contradicting, but complementary phenomenon.

Key words: poetics; image of fire; cult of fire; transformation of fire; poetic system; poetic consciousness

Информация для цитирования:

Утепова Р.И. Отражение поэтического мировидения О. Сулейменова в аттракции слов «пламя–поле–полынь» // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 55-61.

Utepova R.I. Otrazhenie poeticheskogo mirovideniya O. Suleymenova v attraktsii slov «plamya–pole–polyn'» [The reflection of poetic world view O. Suleymenov in attraction of words "flame-field-wormwood"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 55-61. (In Russian).